

УДК: 165.17

АБСТРАГИРОВАНИЕ И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ: КОНСТИТУТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Лазарев Ф. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: fellazarev@rambler.ru

В статье соотносятся процессы смыслообразования и абстрагирования. Процесс смыслообразования раскрывается с точки зрения взаимосвязи структур, обеспечивающих генерацию смысла и его фиксацию. Процесс абстрагирования представлен как мыслительная процедура, определяющая объект и его понятие в теоретическом познании. В качестве контекста, позволяющего соотносить абстракцию и смысл, автор реконструирует проблему универсалий как дискуссию, развернувшуюся между позициями номинализма, реализма и концептуализма. С точки зрения интервальной методологии разрабатывается тезис, согласно которому абстракция имеет смысл (абстрагирование есть способ смыслообразования), когда обладает достаточным основанием. Ставится проблема логики абстрагирования как проблема разграничения «контекста обоснования» и «контекста открытия».

Ключевые слова: абстракция, конституитивность, смыслообразование, смысл.

В статье обсуждаются актуальные проблемы современной гносеологии, связанные с местом и ролью абстракции в познавательной деятельности человека. Является ли абстрагирование находящейся на периферии процесса познания вспомогательной процедурой или связано со смыслом и выступает источником осмысленности познания? В поисках ответа на этот вопрос мы рассмотрим абстрагирование и смыслообразование как соотносимые гносеологические концепты и на основе интервального метода реконструируем контексты их соотнесения.

МЕТОД АБСТРАКЦИИ

В своих базовых практиках у разума нет каких-то особых мощных методов постижения окружающего мира. Его «хитрость» заключается в том, чтобы свободно использовать самые обычные познавательные стратегии. Когда ему надо решить какую-то простую *практическую задачу*, он прибегает к методу «проб и ошибок»: пробует разные варианты действий в надежде, что какой-либо из них приведет к успеху. Если перед ним стоит задача найти причину какого-то криминального происшествия, он обращается к «методу гипотез», выдвигая несколько наиболее вероятных версий случившегося. Эти же методы, хотя и в несколько

модифицированном виде, он использует и в *теоретическом познании*. Пытаясь понять причину или сущность какого-то явления, ученый выдвигает соответствующую гипотезу и эмпирическим путем проверяет вытекающие из нее следствия. Если гипотеза не подтверждается, приходится придумывать новую гипотезу.

В теоретическом познании к указанным методам добавляется еще один – «метод абстракции». В его основе лежат самые простые умственные действия. Когда ученый исследует, скажем, протекание какого-либо явления, он отдает себе отчет в том, что оно может зависеть от большого множества факторов – например, от температуры окружающей среды, от атмосферного давления, воздушных потоков, химического состава и т. п. Очень часто мы сталкиваемся здесь с *бесконечным* рядом. Как поступает исследователь? Единственно возможным для себя способом: он «оконечивает» бесконечное. Он сосредотачивает свое внимание на двух-трех факторах, не принимая в расчет все остальные.

Есть ли у него какие-то *объективные основания* поступать таким образом? В большинстве случаев – нет. Но все дело в том, что другого способа как-то сдвинуться в своей работе с мертвой точки у него тоже нет. Впрочем, если перед нами естествоиспытатель, то он имеет в своем арсенале не только «умственные действия», но и экспериментальные процедуры. Поэтому в определенных ситуациях (когда есть такая возможность) вместо того, чтобы гадать, зависит ли данное явление от некоторого фактора среды или нет, целесообразно провести соответствующий опыт и получить однозначный ответ. В отдельных случаях для этой цели можно использовать мысленный эксперимент. Что касается исследователя в области социально-гуманитарных наук, то он, как правило, лишен такой возможности. В этой связи широко известны слова К. Маркса о том, что при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. «То и другое должна заменить сила абстракции» [1, с. 6].

Абстракция – важнейший инструмент познания. Мысленно отбрасывая те или иные связи и отношения изучаемого объекта, конструируя условия его рассмотрения в «чистом виде» без затемняющих суть дела обстоятельств, субъект обретает тем самым необходимую для творческого поиска эпистемологическую свободу ничем не скованного полета мысли, концептуального экспериментирования. Если разум – это птица, совершающая дерзновенный полет по бескрайним просторам вселенной познания, то абстракции – это крылья разума, позволяющие ему подниматься все выше и выше в процессе теоретического движения мысли.

Метод абстракции применяется не только тогда, когда мысль сталкивается с множеством внешних факторов, но и тогда, когда субъект имеет дело с множеством свойств самого исследуемого объекта. Последний наделяется конечным набором признаков, все же остальные возможные его характеристики отбрасываются как посторонние. Тот факт, что такой мысленный прием противоречит наблюдаемой в опыте картине, не волнует абстрагирующего субъекта. Другого пути двигаться вперед у него нет. Не поможет здесь и эксперимент. Всегда, когда разум сталкивается с непостижимой сложностью и разнообразием предметного мира, он

обращается к своему основному инструменту познания – к тому или иному типу абстракции. С помощью абстракции он упрощает сложное, «оконечивает бесконечное», целое расщепляет на части, непрерывное отображает как прерывное, существующее рассматривает как несуществующее и т. п.

СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Смыслообразование – одна из фундаментальных проблем в истории философии. В теоретических дискуссиях она часто выступает неявно, не осознается именно как самостоятельная гносеологическая проблема. Так, знаменитый средневековый спор об универсалиях в значительной мере касался вопросов смыслообразования. Философы имели перед собой реальный гносеологический факт – наличие общих понятий в их мыслительной практике. Возникли вопросы, касающиеся смысла: 1) что *означают данные понятия* (что им соответствует в мире); 2) как они возникают, как формируются в человеческом уме. Номиналисты утверждали, что все вещи индивидуальны и по идее каждая вещь должна была бы иметь свое индивидуальное имя. Последнее приобретает конкретное значение – свой индивидуальный предмет. Но поскольку дать всем вещам индивидуальные имена технически невозможно, то приходится использовать «общие имена», как это бывает с именами людей. Но тот факт, что разные предметы имеют одно и то же имя, не означает, что это имя выражает что-то общее между предметами. Так называемые общие понятия, та или иная универсалия – это техническое общее имя разных вещей. Противоположная школа (реализм), напротив, утверждала, что за общими именами скрываются общие *понятия*, т. е. особые смыслы, а за этими смыслами скрываются объективно существующие в реальности идеальные сущности – универсалии. Мы сталкиваемся здесь с философской версией конкретного типа смыслообразования, с трактовкой механизма возникновения общих понятий. Согласно данной версии, процесс смыслообразования основан на следующем механизме. В мире существуют объективные универсалии; последние постигаются не чувствами, а разумом. Выявление таких универсалий с помощью умозрения и есть акт смыслообразования.

Компромиссную версию выдвинул концептуализм. Первый тезис: вещи действительно все уникальны. Но общие имена имеют не только *значение* – предметы, объединенные в некоторые группы в силу их внешнего сходства, но и *смысл*, т. е. сформировавшийся в уме определенный *концепт*. Последний не имеет своего прототипа в мире, это – некоторое субъективное, идеальное образование. Но оно оказывается весьма удобным и продуктивным в нашей мыслительной деятельности. Концепт, конечно, истолковывается не просто как чисто субъективная конструкция, он что-то схватывал из реального опыта. С такой поправкой это течение оказалось более перспективным. В сущности, концептуалистская версия в той или иной форме оказалась наиболее приемлемой в дальнейшем развитии философской и логико-математической мысли, ибо она избегала крайностей платонизма и номинализма. Как отмечает С. Петров: «для концептуалистов универсалии существуют постольку и таким образом, поскольку и каким их вводит субъект, т. е. они обладают лишь идеальным существованием как

таковые, хотя могут быть адекватными отдельным аспектам действительности...» [2, с. 427]. Очевидно, что конструктивистские и интуиционистские направления в математике XX в. связаны с традицией концептуализма. Похоже, что логический аппарат современного концептуализма требует введения интенциональных объектов, для точной трактовки которых не найдены ни семантические, ни синтаксические подходы, если не иметь в виду их сведение к экстенционалам [2, с. 427].⁴

Размышляя над проблемой смыслообразования, философы в какой-то момент более пристально стали присматриваться к мыслительной процедуре, которая была известна как *абстрагирование*. В Новое время этой проблемой занялся Д. Локк. По его версии, смысл посредством абстракции возникает следующим образом. В мире существует множество предметов. У них есть разные свойства. Ум, рассматривая тот или иной интересующий его объект, фиксирует внимание на каком-либо одном или нескольких признаках, делает этот признак объектом рассмотрения, отвлекаясь от всех остальных.

В начале XX в. проблемой смыслообразования в научном познании активно интересовался Э. Мах. Последний, как известно, считал, что вещи есть устойчивые комплексы ощущений. Поскольку, однако, не все элементы такого комплекса одинаково биологически важны, то человек проявляет к одним элементам большее внимание, чем к другим. «Вот в этом разделении интереса, внимания и заключается сущность процесса абстракции» [4, с. 137]. «Подводя какой-нибудь факт, – рассуждает Э. Мах, – под известное понятие, мы *упрощаем* его, оставляя без внимания все признаки, несущественные для поставленной нами цели. Но в то же время мы обогащаем его, сообщая ему все признаки класса» [4, с. 141].

В качестве особой разновидности процесса абстракции (или в качестве стороны этого процесса) Мах выделяет *идеализацию*. Он пишет: «Существует важный прием, заключающийся в том, что одно или несколько условий, влияющих количественно на результат, мысленно постепенно уменьшают количественно, пока оно не *исчезнет*, так что результат оказывается зависимым от одних только остальных условий. Этот процесс физически часто не осуществим; и его можно поэтому назвать процессом *идеальным*, или *абстракцией*... Все общие физические понятия и законы – понятие луча, диоптрические законы, закон Мариотта и т. д. – получены через такую идеализацию... Такими идеализациями являются в рассуждениях Карно абсолютно непроводящее тело, полное равенство температур соприкасающихся тел, необратимые процессы, у Кирхгофа – абсолютно черное тело и т. д.» [4, с. 197–198].

Отрицая качественное различие между чувственной и рациональной сферами познания, Мах стремится объяснить специфику последней психической активностью субъекта. Субъект от природы обладает способностью к различным приемам мысленного деформирования и препарирования фактов. «Применимость законов природы к конкретным случаям действительности, – заключает Мах, – становится возможной только через *абстракцию*, через *упрощение*, *схематизацию*, *идеализацию* фактов, через мысленное разложение их на ... простые элементы ...» [4, с. 453].

Своеобразным продолжением идей Маха в вопросе смыслообразования явилось конструктивистское направление в философии науки, которое активно разрабатывается с 70-х годов XX в. (П. Вацлавик, У. Матурана, Н. Бергер, Н. Лукман и др.). Конструктивисты утверждали, что идеальные объекты научной теории (смыслы) – это *конструкты*, которые ошибочно было бы рассматривать как результат абстрагирующей деятельности мышления по отношению к предметам, данным нам в опыте. Конструкты являются итогом особой творческой деятельности ученых. В этом контексте отпадает вопрос об эмпирической адекватности научных смыслов как конструктов. Центр внимания перемещается на проблему внутренней непротиворечивости и преемственности, совместимости одних теоретических конструкций (теорий) с другими. «Контекст открытия» становится определяющим для оценки понятийной работы ученого.

Возникает вопрос: какую объективную значимость и ценность может иметь понятие (или смысл), образованное подобным образом? Очевидно, что такая модель познавательного процесса является продолжением и более поздним вариантом концептуалистской версии. В чем сильные и слабые стороны этого подхода? Сильная сторона связана с тем, что в данной версии хорошо схватывается творческая сторона мыслительной деятельности, реализуемой с помощью метода конструирования («контекст открытия»). Разум ничем не скован в своем полете мысли. Но когда мы переходим к «контексту обоснования», то обнаруживаются изъяны этой версии, ибо полная свобода мысли должна сочетаться (чтобы последняя шла в правильном направлении) с полным смирением разума перед истиной.

КАК РОЖДАЮТСЯ СМЫСЛЫ?

Мир как тотальность бесконечен, непрерывен и неопределен. Смыслы же всегда конечны (по своему информационному содержанию), дискретны, определены. Если исходить из того, что смыслы касаются мира и должны его как-то отображать, то как они возможны именно в качестве репрезентирующих структур? Каков механизм смыслообразования? Процесс познания начинается с того, что в тягучую тотальность мира человек помещает своего рода экран, который, с одной стороны, как бы загораживает часть мира, а с другой – позволяет создавать проекции вещей, их идеальные тени. Гносеологическим экраном подобного рода, например, в физике служит система отсчета. Таким образом, можно сказать, что познающему субъекту нужен экран, редуцирующий бесконечное к конечному, непрерывное к прерывному, потенциальное к актуальному, неопределенное к определенному, целое к части и т. д.

На первом этапе познания у человека в практиках повседневности в качестве экрана выступают его органы чувств, позволяющие получать проекции в виде ощущений, восприятий и представлений. В результате вырабатывается человекоцентристская картина мира. Вторым, более совершенным этапом познания является теоретическое освоение мира с помощью абстракций. Здесь человек конструирует концептуальный экран, некий прибор, который позволяет проникнуть в тотальность мира на объективной основе.

Результаты всякого познания относительно к средствам познания (к средствам наблюдения и к средствам абстрагирования) – это главный принцип эпистемологии. Если вы хотите что-то о чем-то сказать, вы должны иметь устройство, обеспечивающее процесс проецирования. Такие устройства на рациональной ступени познания бывают двух типов: 1) физические приборы и экспериментальные установки; 2) интервальные ситуации, выполняющие функцию познавательной позиции субъекта. Классическим примером познавательного экрана как средства познания может служить ситуация с двойственностью частиц в квантовой механике. Для того, чтобы физик имел возможность изучать элементарную частицу, он должен выделить ее из бесконечного окружения, сделать дискретной, определенной, актуальной. Для этого он должен организовать взаимодействие элементарной частицы с прибором. Только благодаря такому взаимодействию с прибором частица из состояния неопределенности переходит к чему-то физически актуальному и определенному. Опыт показал, что есть два типа приборов, порождающих физические смыслы. Один тип приборов дает нам корпускулярный образ частицы, другой тип – волновой образ. Еще один пример – это система отсчета в физике, которая представляет собой некий прибор, точнее, экспериментальную установку в виде герметичной лаборатории с наблюдателем. Последний проводит эксперименты и записывает их результаты в виде «протокольных предложений». Затем возникает проблема перевода фактических данных внутреннего наблюдателя в фактологию внешнего наблюдателя и выявления инвариантов.

Проблема смыслообразования предполагает не только процесс генерирования смысла, но и операции по его фиксации. Результатом операции *фиксирования смыслов* является выявление и закрепление в речи или в тексте смыслообразующих конструктов. Каждый такой конструкт «является набором слов, расположенных в уникальном порядке, с помощью которых фиксируется смысл. *Смысл* как бы проецируется на смыслообразующий конструкт» [4, с. 194]. Благодаря этому последнему смысл обретает свою *явленность*.

Смыслообразование – начало познания. Человеку даны первичные смыслы в виде ощущений – звуковые, цветовые, тактильные, вкусовые, большая гамма болевых ощущений, дискомфорт, приятные ощущения и т. д. Эти смыслы понятны сами собой, они *репрезентуют* мир вокруг и внутри нас. *Феномены мира предстают перед нами в гносеологической упаковке этих смыслов*. В результате мы работаем с реалиями мира (качествами, вещами, явлениями), одетыми в смыслы. При этом следует различать смыслы сами по себе (в памяти, в тексте) и вещи, упакованные в смыслы. Например, процедура опознания в следственной практике как раз и основана на том, что у свидетеля в памяти есть образ опознаваемого, с помощью которого он отождествляет образ и конкретного человека (узнает). Таким образом, перед нами особый познавательный и экзистенциальный акт. Акт встречи субъекта и объекта, человека и мира, смысла и вещи. Возникает ситуация очевидности, абсолютности, подлинности. Эту операцию можно назвать трансценденцией. Но не всякое отождествление является трансценденцией, а только такое, при котором достигается истина.

Следующий шаг – собственно смыслообразование (операция второго порядка). Здесь несколько моментов. Первый – это процедура наименования смыслов: горячее мы называем «горячим», сладкое – «сладким» и т. д. Так мы, например, объясняем смысл слов ребенку, связывая феномен со словом. Процедура наименования приводит к появлению трехъярусной познавательной структуры – феномены мира, смыслы, знаки. Знак на основе конвенции материально фиксирует смысл в его отрыве от феномена для запоминания и передачи другому информации.

В свою очередь, смыслы могут объединяться в конфигурации (например, круглое, красное, гладкое, прохладное, сладкое = яблоко). Это то, что называется восприятием. Восприятие есть комбинация первичных смыслов в некотором целом, смысловая связка (описание состояния). В этом связывании что-то вытекает из смысла, а что-то непредсказуемо. Это – разовая единичная комбинация. В этом контексте восприятие есть свернутое суждение. Память о единичном восприятии есть смысл в чистом виде. Живое восприятие есть гносеологическая упаковка. Обобщение восприятий как смыслов есть представление (обобщенный образ класса предметов определенного типа). Представление не есть трансценденция. Оно используется либо для опознавания предметов в восприятии, либо для передачи информации другому с помощью знаков. Поэтому в гносеологическом плане эти две формы нельзя ставить рядом (т. е. восприятие и представление). Представление становится трансценденцией в актах суждения о тех или иных реальных чертах мира.

Следующий шаг – кодировка смыслов. Для того, чтобы навесить знак на смысл, не является важным, какой сложности этот смысл. Одна часть смысла (первичный смысл) может стать знаком всей конфигурации. Смысл придает содержательность (осмысленность) вещи, но он придает смысл и знаку. Весьма неточно считать, что знак имеет смысл и значение, (денотат, согласно классической теории). Слово «кентавр» отсылает к смыслу «кентавр», но не отсылает к самому кентавру. Конечно, смысл («стол») может отсылать к тому феномену, который им упаковывается, но при этом вряд ли этот феномен имеет сам по себе, помимо смысла, какое-то еще «значение». С этой ситуацией столкнулся Кант, когда он ввел понятие «вещь в себе». Очевидно, что в познании смыслы, прежде всего, служат для упаковки феноменов (хотя могут функционировать и сами по себе), т. е. они были бы не нужны без «вещей в себе».

Наконец, существуют разные механизмы формирования более сложных смыслов (обобщение, конфигурации и т. п.). Это видно на примере возникновения понятий теории относительности из классической механики. Такие понятия, как масса, длина и др., с одной стороны, имеют смысл конструкторов механики Ньютона, а с другой – приобретают новую семантику релятивистской природы.

АБСТРАГИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

Абстрагирование есть особая процедура смыслообразования. При абстрагировании происходит синтез двух противоположных процессов, логических действий – отбрасывание одних содержаний и пополнение исходного смысла другими содержаниями. Здесь процесс смыслообразования начинается с того, что

мы имеем исходный *чувственный образ* (восприятие и представление) *объекта*. Этот образ есть определенный синтез ощущений, некоторая их конфигурация, некий инвариант. Как показал Пиаже, восприятие есть тоже абстракция, выделение инварианта в процессе практического оперирования с предметом. Этот синтез предопределяет и постепенное формирование некоторой общей модели объекта, его онтологию в пределах обыденного опыта. Ум человека в познавательных целях выделяет какую-то черту предмета и делает ее самостоятельной сущностью – точкой, прямой, плоскостью, идеальным газом и т. п. На этом пути формируются тем самым новые смыслы, называемые «научными абстракциями». Из этих умственных конструкторов ученые выстраивают сложные конфигурации, новые теоретические объекты – шар, конус, куб. Так возникают более сложные смыслы. Для чего они нужны, как они работают в обыденной практике?

Пусть перед нами некий эмпирический объект. Мы говорим: «это – куб» и т. д. Тем самым мы овладеем искусством понимать на новом уровне данные нам в опыте вещи. Человек начинает их по-новому узнавать прежде всего благодаря *интерпретации*. Таким образом, здесь имеет место двоякий процесс: с одной стороны, субъект придает смысл абстракциям, словам, понятиям с помощью восполнения их в опыте, предъявляя соответствующий денотат, с другой стороны, он получает новую информацию об окружающих вещах, упаковывая их в идеальные смыслы. Последняя операция сродни процедуре измерения.

Рассмотрим пример. Пусть перед нами брусок из дерева. Как человек может получить о нем нужные ему на практике сведения количественного характера? Мы говорим: «Будем считать, что наш брусок – это геометрическая линия». Теперь приложим к бруску линейку так, чтобы их начальные точки совпали. Затем фиксируем конечную точку бруска и смотрим, с какой отметкой (цифрой) на линейке она совпадает. Это цифра и дает нам искомый ответ. Таким образом, искомая информация есть результат сравнения двух предметов, один из которых есть особое измерительное устройство, некий прибор, некая смыслообразующая система, позволяющая получать новое знание о мире. Мы намеренно использовали простейший и наглядный пример, но он раскрывает суть всякого смыслообразующего устройства. «Линейка – это пространство «возможных смыслов», возможных ответов на наш запрос. Эмпирический акт сравнения – это способ выбора интересующей нас информации, выбора нужного ответа.

Система абстракций – это тоже «линейка» или информационная «сетка», которую познающий субъект набрасывает на интересующие нас группы вещей с целью получить нужные сведения о мире. Первый этап – это идентификация. Человек говорит: «Вот эта вещь – шар, вот эта – конус, а вот эта – куб». Теперь, зная теоремы геометрии и пользуясь линейкой и циркулем, исследователь может, например, вычислить объем эмпирических предметов, из которых один похож на шар, другой – на конус, третий – на куб. Чем больше предметы подобны (изоморфны) соответствующим геометрическим фигурам, тем точнее вычисления. В обыденном опыте мы можем быть довольны, если ошибка не превышает 10–20 %. Если сходство минимально, то ценность полученной информации может приближаться к нулю. Удивительно не то, что всякое восполнение абстракции в

опыте, всякое измерение имеет погрешность, а то, что в науке при расчетах движения тел, например планет, ученые получают фантастическую точность подтверждения своих результатов. Какова должна быть точность расчета движения запускаемого космического аппарата, чтобы он мог состыковаться с МКС с точностью до сантиметра или миллиметра! Откуда же такую фантастическую точность потенциально содержат наши математические и физические абстракции, что они могут столь блестяще применяться на практике?

Концептуалистская версия смысла абстракции в принципе не может объяснить фундаментальный факт исключительной эффективности понятийного аппарата точных наук, обеспечивающего успехи научно-технического прогресса во всех сферах человеческой практики. Нужна принципиально новая версия. Научная абстракция содержит в себе почти мистический потенциал точности при описании и объяснении мира. Это чудо, этот таинственный дар, порождаемый нашим разумом, нуждается в рациональном объяснении.

Очевидно, что все три существовавшие в истории философии версии сегодня неприемлемы. Модель платонизма (реализма) отражала архаический уровень развития производительных сил и заключала в себе некий мифологический компонент, встроенный в философский дискурс, миф о существовании «автономной сферы идеальных сущностей». Версия номинализма – это антитезис платонизму, попытка сформулировать ситуацию парадокса в объяснении смыслообразования. Концептуализм как синтез реализма и номинализма отражал средневековую отсталость, застой в развитии науки и технического прогресса. Концепты средневековой мыслительной культуры действительно (если не брать математику) представляли собой весьма размытые познавательные образы, идущие из обыденного опыта.

Современная версия должна объяснить тайну научной абстракции, ее «непостижимую эффективность» (Е. Вигнер) в науке и технике. Достижения современной науки не только актуализировали проблему, но и дают ключ к ее разрешению. Именно в этом контексте и была разработана неклассическая онтология и гносеология интервальности. Новая метафизика вещей не упала с неба. С одной стороны, она является философским обобщением важнейших теоретических открытий современной науки, а с другой стороны, она как бы венчает собой многовековую традицию философских размышлений о природе концептов как инструментов постижения мира. Платон блестяще показал, что метафизика вещей не так проста, как это представляется обыденному сознанию, что существует некий более глубинный и качественный пласт проблемы. Номинализм убедил нас в том, что в споре Платона и Аристотеля ближе к истине был последний, категорически отвергавший радикальный дуализм вещей и абсолютных идей. Концептуализм разработал некую синтетическую версию, которая удачно избегала крайностей реализма и номинализма. Интервальная версия в «снятом виде» содержит в себе «рациональное зерно» предшествующих теорий, но при этом предлагает качественно новое решение.

Абстракция представляется искажающей действительность, а потому парадоксальной формой постижения окружающего нас мира вещей лишь с точки

зрения *обыденной онтологии*. Если же мы подвергнем эту последнюю критической рефлексии, то откроется существенно другая картина. Образно говоря, перед нами предстанет мир идеальных сущностей Платона, но не где-то в «умном месте», а в нашем человеческом опыте. Еще в противовес Платону Аристотель учил, что всякая конкретная вещь есть результат соединения *материи* (содержания) и потенциально существующей идеальной формы. Последняя существует не в особой сфере, а в нашем предметном мире – либо потенциально (как таковая), либо актуально (как форма вещи). Чтобы понять тайну абстракции, надо проанализировать тайну реальной диалектики бытия вещей.

Создается впечатление, что разум в своих попытках понять мир сплошь и рядом действует вопреки реальному положению дел, вопреки здравому смыслу и принципам диалектики. Например, традиционная диалектика рассматривает всеобщую связь вещей и явлений как универсальный принцип бытия и познания. Между тем стратегия абстрагирующей деятельности основывается на том, что субъект на каждом шагу отказывается принимать в расчет одни связи и опосредования вещей и фокусирует свое внимание на других. Однако удивительно, что, ученые, следуя по такому парадоксальному пути, в течении многих столетий развития научной мысли неизменно достигали поразительных результатов в постижении самых глубоких тайн природы, что обеспечило небывалый научно-технический прогресс нашего времени. Как это возможно? Как разумно разрешить этот парадокс?

Для начала следует усомниться в безупречности тезиса о том, что в основе абстрагирования лежит субъективный произвол. На чем в действительности основываются познавательные стратегии метода абстрагирования? Мировой разум хитер – как любил повторять Гегель. В чем же хитрость разума? Не следует ли предположить, что логика абстрагирования кажется парадоксальной лишь с точки зрения наших привычных представлений о структуре реальности? И не будет ли справедливо утверждать, что в природе самой абстракции не кроется никакого чуда, что на самом деле она только потому ведет нас к истине, что истинным оказывается, как говорил Маркс, сам *путь отыскания истины* и что разум действует не вопреки природе вещей, а в соответствии с ней? Может быть, следует в связи с этим пересмотреть классическую онтологию, заменив её новой «постнеклассической онтологией», которая объясняла бы нам, как с помощью абстракции возможно эффективное и целенаправленное познание реальности. Такую онтологическую модель предлагает интервальный подход. Последний исходит из следующего очевидного тезиса: та или иная абстракция ведет к истине, когда она имеет *достаточные основания*. Вопрос об обосновании абстракции, таким образом, становится в интервальном анализе ключевым.

То, от чего субъект абстрагируется в процессе познания, должно быть нерелевантным. Обосновать какую-либо абстракцию – значит рациональным путем доказать, что факторы и признаки, от которых отвлекаются при развертывании теории, являются *посторонними*. Это может быть доказано эмпирическим или логическим способом. Таким образом, в интервальной методологии существенно меняется взгляд на природу абстракции.

Абстрагируя в процессе познания, ученый действует в конечном счете не произвольно, а по определенным правилам и согласно определенной цели; он должен учитывать те «принципы запрета», те ограничения, которые как бы накладываются «природой вещей» (и данными опыта) на нашу возможность абстрагирования. В творческом поиске мы можем абстрагировать что угодно и как угодно, но, строя теорию, претендующую на объективность, следует обосновать шаги абстракции.

Таким образом, логика абстрагирования складывается из двух совершенно различных стратегий познавательной деятельности. Первая преследует цель порождения как можно большего числа новых смыслов, альтернативных решений и т. п., вторая базируется на принципе рационального оправдания и выбора подходящей идеи. При этом каждой из стратегий соответствует свой познавательный контекст. Одна связана с «контекстом открытия», а другая – с «контекстом обоснования».

Логика открытия не предусматривает каких-либо процедур обоснования. Наложить запрет на право ученого в поисках нужных решений идти на риск экспериментирования в мысли, на риск абстрагирования путем «мысленной пробы» – это значило бы парализовать движение научной мысли. Ученый волен изобретать все новые и новые альтернативы по отношению к существующим взглядам и теориям, отвлекаться от одних связей и принимать во внимание другие, искать неожиданные ракурсы видения изучаемых явлений.

Логика же обоснования не требует генерирования новых идей. Если бы наряду с процессом обоснования допускались также внезапные «скачки мысли», связанные с выдвижением новых смысловых образований, получаемых в результате «озарений», то было бы утрачено различие между достоверным и гипотетическим в научном познании.

«Хитрость» разума в том, чтобы действовать свободно, т. е. в соответствии с «логикой вещей», исключая при этом навязывание предмету своих произвольных представлений, ибо свобода есть познанная необходимость. Любое абстрагирование допустимо, если оно не «запрещено» законами реальности. В интервальной эпистемологии исследование процесса абстракции, таким образом, переносится в плоскость *обоснования*.

В заключении можно сделать следующие выводы:

1. Научное абстрагирование представляет собой важнейший способ смыслообразования в практиках современного научного познания.
2. Важнейшим методологическим требованием к научным абстракциям является их *обоснование*.
3. Процесс обоснования предполагает три познавательные стратегии: а) анализ следствий из принятых допущений; б) проверка следствий из принятых допущений на опыте; в) выявление интервала применимости первичных абстракций теории.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. Том 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 910 с.

2. Петров С. Неисключаемые абстракции и их роль в научном познании // Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. Т. 1. – София, 1981.
3. Мах Э. Понимание и заблуждение: Очерки по психологии исследования. – М., Издание С. Скимунта, 1909. – 467 с.
4. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению. – Одесса: Печатный дом, 2010. – 372 с.

Lazarev F. V. Abstract and Sence-Formation: Constitutive Foundations // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 23–34

This article is devoted to the disclosure of the essence of sense formation and the method of abstraction, in particular, as one of the main methods of theoretical cognition. According to the author, abstraction is the most important instrument of cognition. Mentally discarding one or another connection and relationship of the object under study, constructing the conditions for its consideration in a "pure form" without obscuring the essence of the matter of circumstances, the subject acquires the epistemological freedom of an unmistakable flight of thought, a conceptual experimentation, which is necessary for creative search, that, according to the further disclosure of this Theme is an essential factor in the process of scientific knowledge. Further, the author considers the problem of sense formation in the historical review of the stages of understanding this question, in particular, from the point of view of conceptualism. The problem of sense formation involves not only the process of generating meaning, but also the operation to fix it. The result of the operation of fixing the senses is the identification and fixation in the speech or in the text of the meaning-forming constructs. Each such construct "is a set of words arranged in a unique order, with the help of which the meaning is fixed. The meaning is projected onto the semantic construct. The author asks about the revision of the classical ontology, replacing it with a new "post-nonclassical ontology," which would explain to us how, with the help of abstraction, an effective and purposeful cognition of reality is possible. Such an ontological model offers an interval approach. The latter proceeds from the following obvious thesis: this or that abstraction leads to truth. When it has sufficient grounds. The question of justification of abstraction thus becomes the key in interval analysis.

Keywords: abstraction, constitutiveness, meaning formation, meaning.

References

1. Marks K., Jengel's F. Sochinenija. Compositions. Edition 2. Volume 23. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1960, 910 p.
2. Petrov S. Neiskljuchaemye abstrakcii I ih rol' v nauchnom poznanii [Non-excludable Abstractions and Their Role in Scientific Knowledge]. Leninskaja teorija otrazhenija v svete razvitija nauki I praktiki [Lenin's Theory of Reflection in the Light of the Development of Science and Practice]. Vol. 1. Sofija, 1981.
3. Mah Je. Ponimanie i zabluzhdenie: Ocherki po psihologii issledovanija [Understanding and Confusing: Essays on the Psychology of Research]. Moscow, Edition S. Skirmunt, 1909, 467 p.
4. Bogataja L. N. Na puti k mnogomernomu myshljeniju [On the Way to Multidimensional Thinking]. Odessa, The Printing House, 2010, 372 p.